

В зале было жарко и душно. За несколько часов надышали так, что становилось дурно. Наконец приоткрыли окно, и по залу легким сквозняком пронесло шум улицы: звали какого-то Васю, рычали машины у перекрестка, повизгивали тормоза. Это мешало сосредоточиться, и так тихие слова судей глушились, но он вздохнул с облегчением, потому что еще немного и его вырвало бы от этого спертого запаха тел вокруг, и хотелось только, чтобы побыстрее все закончилось.

Их время прошло два часа назад, но лица перед тройкой судей сменялись, секретарь выкрикивала фамилии, кто-то громко орал про подкуп судей, а они все сидели и сидели в ожидании своей очереди в огромном длинном зале, куда набились все, у кого «была апелляция». И когда, наконец, кто-то из судей заговорил скороговоркой, о том, что слушается их дело, он даже не обрадовался, а злился, что так долго тараторят о какой-то некому не нужной ерунде. Они прошли вперед, и он вдруг занервничал,

Вначале выступала девочка-юрист со стороны апелланта и говорила она так складно, и так убедительно, что его страх только усилился, ее несколько раз о чем-то спросили, она ответила, и судьбы похоже были довольны ее ответом, так что Олег приуныл окончательно.

Его адвокат – в наглаженном глянцевом костюме, со слегка потрепанным лицом в круглых очках – хлопнул Олега по плечу, мол, ничего, прорвёмся, держись. Одна из судей засмеялась слегка, то ли ее позабавил этот жест, то ли ей стало смешно, что такой взрослый мужчина, как Олег, боится суда.

– У вас есть ровно одна минута, Вы уложите? – спросила она, обращаясь к адвокату, и поправила спадающую на глаза челку.

– Уважаемый суд, мне надо минимум минут пять, – адвокат достал из папки заготовленные листы с речью и помахал ими.

Другая судья – с короткой мальчиковой стрижкой – оторвалась от пролистывания дела и раздраженно посмотрела на них, потом наклонилась к коллеге, и они о чем-то шептались секунд десять.

– У вас ровно одна минута, и не больше. Не задерживайте суд.

Олег испуганно посмотрел на адвоката, лицо которого покрылась красными пятнами.

– Это препятствие правосудию. Я заявляю отвод составу суда! – вдруг рявкнул адвокат.

Третья судья, которая до этого безучастно смотрела в зал, вздрогнула и едва не подскочила с места. Олег понял, что произошло нечто страшное, так побледнела и сжала губы судья с челкой.

– Вы задерживаете суд, адвокат. Вы будете говорить по существу? – раздраженно спросила она после небольшого замешательства, и в воздухе повисло томительное напряжение.

Олег присел на скамейку, ему стало не по себе в этом набитом людьми бездушном зале, и от голоса судьи перед глазами замелькал свет пятнами, и правую половину головы стянуло обручем, так что все поплыло, голоса растягивались, и он с трудом понимал, что происходит.

Накануне он встретился с матерью на лестнице. Ждал этой встречи и боялся, и не знал, как поступить. Она поднималась, тяжело опираясь на перилла, как всегда при параде, напомаженная, с искусственным румянцем на щеках, и завитыми химией кудрями. Он спускался покурить, чтобы как-то убить время до начала заседания. Губы ее слегка задрожали при виде его, и она, казалось, хотела что-то сказать, но он отвернулся и побыстрее сбегал вниз. Говорить и объяснять ему не хотелось. Как быть с тем, что произошло, хорошо это или плохо Олег не знал, как и не знал, когда черта отчуждения на самом деле пробежала между ними.

Курить расхотелось, но он все равно достал из пачки сигарету, и долго затягивался сладковатым дымом. Все началось как-то незаметно. Она часто звонила ему на работу, когда надо было забежать в аптеку или в магазин по-быстрому, позвонила и тогда, после обеда, просила подкупить таблетки от кашля. Погода была мерзкая, моросил дождь, небо тяжело нависало над домами, и ехать через полгорода не хотелось, но Олег не посмел отказать.

Она не встретила его, сидела в зале на диване, перед телевизором, смотрела какую-то передачу и вязала красный с синим носок.

– Ты заболела, мама? – он прошел на кухню и достал из сумки покупки: упаковку с лекарством, пару бутылок кефира, палку колбасы и пачку пельменей, потом прошел в зал и сел на край кресла. – Я тебе подкупил тут от кашля, и немного продуктов.

– На улице сыро, – сказала она, не отрываясь от вязания, и он понял – с ней все в порядке, и он промотался впустую, а на работе «горит» проект, и с утра опять орал и грозился уволить всех к чертям собачьим начальник.

– Мама, что ты сидишь тут одна? У Зинки давно пустует дача. Там воздух, соседи.

– Это тебе Зинка сказала? – она оторвалась от вязания и пристально посмотрела на него поверх очков.

– Причем здесь Зинка? У тебя всегда Зинка виновата.

– Вот пусть Зинка на этой старой развалине и живет. А мне и тут прекрасно, – и она энергично застучала спицами. – ..двадцать два, двадцать три, двадцать четыре...

Разговор продолжать было бессмысленно.

– Ну, я пошел, а то темно будет.

– Угу. ... тридцать четыре, тридцать пять...

С минуту он постоял в коридоре. Над зеркалом обои покорежились и стали отходить от стен, синие розочки на них уже стали блекнуть, и, судя по всему, давно пора было делать ремонт. Потом, уже дома, он рассказывал своей жене Зинке об этом с непонятым раздражением, досадой.

– Ты с ней про дачу говорил? – спросила она в ответ.

– Говорил.

– И как?

Олег неопределенно пожал плечами, и Зинка хмыкнула.

– Понятно. Сидит, как сыч, в квартире – ни себе, ни людям.

Мать жила одна в трехкомнатной квартире почти в центре города, в то время как они снимали небольшую двушку на окраине. У жены за городом досталась в наследство небольшая дача, и Зинка давно предлагала матери переехать туда, а самим поселиться в квартире. Дача была недурна, располагалась в десяти минутах от электрички, и, казалось, чудеснее места провести старость и нельзя придумать. Сам Олег мечтал о такой пенсии, когда не надо бегать по утрам на работу, а можно сидеть на веранде и смотреть, как над сосновым бором догорает закат.

Каждый раз, когда он возвращался от матери, Зинка заводила разговор о даче и

пилила его, что он просто сам ничего не хочет и не может даже элементарного добиться для своей семьи. Но в тот вечер разговор об этом как-то быстро утих, они рано легли спать. Игорь, их сын, ночевал у друзей за городом, и семейный ужин был скомканным и неприятным. Олег лежал на кровати, прикрыв глаза, и думал о работе, в голову лезли какие-то графики, диаграммы, иногда он проваливался в полудрему, но тут же просыпался, как от толчка, и это пробуждение будоражило еще сильнее и мешало заснуть.

– Ты не спишь? – вдруг спросила Зинка. Она перевернулась на спину и посмотрела на него.

– Нет.

– У нас на работе у Лидки соседка в кредит вляпалась представляешь?

Олег промолчал, в голову лезли то работа, то мать с ее вязанием, и забивать еще голову Лидкой и какой-то ее соседкой не хотелось. Но Зинку его молчание не останавливало, она работала в бухгалтерии, куда как пылесосом затягивало все сплетни, похоже, со всего микрорайона. И потом, уже дома, как из пылесборника вываливала ему на голову всякую дребедень про то, как муж какой-нибудь Машки нажрался до порсячьего визга и гонял всю семью до утра, или какую сумочку купила себе Надька со склада. Олег повернулся на бок и вполуха слушал, как к Лидкиной соседке пришли какие-то молодые парни установщики окон, как повезли ее в банк и подписали бумаги на бешенный кредит, и что теперь Лидка таскает соседке картошку с дачи, потому что та сидит впроголодь.

– Олег, ты слушаешь? – Зинка ткнула его в спину. – Как бы наша мать чего не учудила, слышь?

– Да что она может учудить? Спи, давай, твоя Лидка дура, и соседка ее тоже.

– Нет, ты послушай. Ты вообще кроме своей работы чем-нибудь интересуешься?

Телевизор хотя бы посмотрел, – сейчас это запросто. У старых мозги уже набекрень. На дачу ее надо, на дачу, а то квартиру профукает. Вот помяни мое слово – профукает.

Олег молчал, продолжать разговор ему не хотелось, Зинка еще долго не могла успокоиться, и все трещала про истории из телевизора и соседку Лидки, отчего у него разболелась голова, и он ушел курить на балкон.

Но наутро, когда Олег почему-то рассказывал эту историю на работе, все заволновались и долго говорили про мошенников, и что с возрастом мозг совсем усыхает, и незря говорят что стар – что мал.

– А я вообще паспорта у своих забрал, – выдал Паша из соседнего отдела (он пришел за ручкой и так и завис у них). – Если мошенники нагрянут, хотя бы оформить ничего не смогут.

Вечером Олег снова разговаривал с матерью про дачу, настойчиво раз за разом повторял, как там прекрасно и какой свежий воздух, что ей в ее восемьдесят – самое то жить рядом с сосновым бором; расписывал как они будут приезжать к ней по субботам и как мило будет пить чай на веранде всей семьей.

– Что Зинка никак не дождется, когда будет хозяйкой в моей квартире? – губы матери нервно подрагивали и белели.

– Да, причем здесь Зинка-то! Ты пойми, Игорь здоровый парень уже, а у него даже комнаты толком нет своей. Куда ему девушек приглашать?

Мать зыркнула и промолчала, а наутро вдруг позвонила и сказала, что оформит заведение на Игоря – «лишь бы Зинке квартиры не досталась». Олег вздохнул с облегчением, заведение почему-то показалось ему тогда решением всех проблем. Последний разговор с матерью так измотал его, уже не хотелось ни дачи, ни переезда, а так получалось, многолетний спор закончен и устанавливается ничья.

Документы на квартиру для завещания мать оформляла сама, несколько раз он возил ее в регистрационную палату – в свидетельстве на право собственности обнаружилась какая-то ошибка, и они все переоформляли, «чтобы потом у Игоря не было проблем с наследством». Но, когда свидетельство получали, матери вдруг стало плохо, даже вызывали скорую, и пока ее ждали, мать все звала давно умершего отца. Врач сказал: так повлияло переутомление, и лучше бы ей побережься и не заниматься всякой бюрократией некоторое время.

Лидкина соседка вспомнилась опять через пару недель, оказалось, она подписала еще какие-то бумаги, и теперь ее квартира и не ее вовсе, а принадлежит непонятно кому, вроде бы вместе с документами на кредит подсунули и купчую. И на этот раз новость взволновала Олега. Он никак не мог выкинуть из головы, как держал мать за руку, а она посиневшими губами слабо звала отца. Он боялся, все ли у матери в порядке с головой, и как она поведет себя, если в дверь позвонят «установщики окон». Поначалу Олег надеялся на завещание, которое может защитить квартиру от захвата, но потом узнал, что до смерти матери оно ровным счетом ничего не значит, легко отменяется и от продажи квартиры никак не защитит.

Отбирать паспорт, как Пашка с работы, Олег не хотел, да мать и не отдаст, выхода он не видел, и потому приуныл, окончательно лишившись сна. И тут после очередного Зинкиного рассказа про Лидкину соседку, которая теперь бегала по судам, до него вдруг дошло – а если самому стать «установщиком окон»? Как защитить от воров то, что плохо лежит и ненадежно охраняется? Надо просто это забрать до их прихода – вот и все! Он подсунет матери какую-нибудь «дарственную» или «купчую», и все будут довольны, а квартира цела.

Это идея так окрылила его, что свой план он стал воплощать на следующий день. У знакомого юриста оформил все нужные документы, и поехал к матери. Она все еще чувствовала себя неважно, лежала целыми днями на диване и то читала, то смотрела телевизор. Олег очень переживал не будет ли мать читать документы, тогда его план может провалиться, и потому не стал звонить ей заранее, а нагрянул неожиданно, в спешке, не раздеваясь влетел в зал.

– Так, мама, у нотариуса окно появилось. Надо срочно подписать документы на завещание. Я уже тут собрал весь пакет, мне девочка-секретарь показала, где надо расписаться. – эту фразу он репетировал по дороге несколько раз, и сейчас она звучала у него ровно, без запинки, и все же голос под конец слегка задрожал, так боялся провала.

– А разве мне не надо самой лично к нотариусу? – мать, кажется, сомневалась.

– Надо, но я просто сказал, что ты неважно себя чувствуешь, и разрешили по доверенности, – соврал он. – Ну, ты сама понимаешь, пришлось немного добавить.

Мать колебалась, потом стала искать очки «для чтения». «Блин, все пропало», – подумал Олег и поспешил подсунуть бумаги матери.

– Мама, скорее, я с работы отпросился на час, а мне еще до нотариуса двадцать минут ехать, – затараторил он. – Я тебе так покажу, где расписаться надо. И мне еще нужен будет твой паспорт.

Через десять минут, довольный, он уже шел к машине с подписанными бумагами и ее паспортом. Вечером позвонил и сказал, что все оформил и завещание осталось у нотариуса, мол, такие порядки, и чтобы она не волновалась, все расходы на квартиру теперь будет оплачивать он. Про подписанный на самом деле договор дарения на него умолчал, в «регистрационной» оформил все по-тихому, и Лидкина соседка и все эти пе-

ресуды про «установщиков окон» его больше не волновали – что там подпишет в случае чего мать, теперь не имело значения.

Поначалу Олег опасался, как бы все не вскрылось, старался пореже бывать у матери, отговаривался работой, плохим самочувствием. Ночами снилось разоблачение, как мать орет и бьет по лицу, просыпался в холодном поту и не мог долго заснуть. Но дни сменялись неделями, недели месяцами, мать ни о чем не догадывалась, и Олег успокоился, и даже смеялся над недавними страхами. Теперь его наполняло чувство гордости от сделанного, уверенности и решительности, словно он бросил дерзкий вызов в лицо судьбе и выдержал удар. И вновь по-прежнему привозил матери продукты и лекарства, и заводил разговор про дачу.

Как бы все сложилось, теперь сложно судить, но летом произошло неожиданное.

Игорь все реже ночевал дома, целыми днями где-то слонялся и отмалчивался на их вопросы. Потом Олег встретил его в городе с какой-то девушкой, со слегка небрежной стрижкой красного цвета и кольцом в губе, и с той поры парень перестал таиться и, даже, приводил ее к ним домой, когда все были на работе. Зинке девушка не нравилась, она обзывала ее за глаза крашеной потаскухой и даже попыталась поговорить об этом с Игорем, но он устроил скандал, хлопнул дверью и неделю ночевал непонятно где, после чего Зинка смирилась и уже не заводила разговоров с ним, лишь бы сын вернулся домой, и терпела, когда Крашенная оставалась иногда ночевать.

Девушка вела себя странно, Игорь тоже, глаза у него часто бегали и краснели, и он то раздражался и злился как цепной пес, то становился ласковым и разговорчивым. Как-то вечером он ввалился в квартиру полупьяный, весь в крови, с разбитой губой и бровью. На вопросы молчал, огрызался, и все твердил, как ему все надоело.

– Ох, боюсь, как бы нам передачи не пришлось с этой потаскухой таскать, – рыдала тогда Зинка.

На следующий вечер Игорь опять пришел избитый, и на следующий, так что Олег схватил его за грудки и потребовал ответа. Выяснилось, что Крашенная бросила его и новый парень с друзьями «отповаживают» Игоря от нее и грозятся прирезать, если еще увидят «на районе».

Это так взволновало Зинку, что она не выдержала и позвонила матери, и впервые за долгое время они проговорили почти час по телефону. Мать, хотя и не ластилась особо к Игорю, все же его любила и требовала, чтобы они немедленно съехали с квартиры и переехали к ней. Но Зинка отказалась.

– Двум хозяйкам в одном доме не ужиться, – говорила она Олегу. – Пусть переезжает на дачу, тогда и мы переедем.

Мать все названивала то Олегу, то Зинке и упорно звала к себе, беспокоясь за Игоря. Это раздражало Зинку и в один момент они с матерью поцапались. Зинка упорно твердила про дачу, мать – отказывалась, и то ли от злости, то ли желая добавить своим словам силы, Зинка и выпалила, зачем мол вы мамаша держитесь за свою квартиру, она давно уже принадлежит Олегу.

– Скажи спасибо, дура старая, держим еще тебя там, а не выселили по суду!

На помощь матери из Читы прилетела племянница (и его двоюродная сестра) Лиза и долго пыталась его образумить. Сидела на кухне и корила Олега:

– Ну разве так можно? Что ж ты как-то не по человечески-то... ну отдай квартиру-то.

Олег колебался, не знал, как поступить, но после звонка матери, когда она его обозвала неблагодарной тварью и скотиной, заупрямился и не захотел уступать. Долго

объяснял, что делал все только ради ее блага, что ее никто не гонит из квартиры и что-бы она меньше волновалась. Но слушать его мать не желала.

И вот теперь они судятся. Районный суд...сейчас апелляция.

Адвокат был не весел, сидел рядом и громко сопел. Матери не было, она куда-то вышла, и на ее месте лежала папка с бумагами. Девушка-юрист, защищавшая ее, похоже, торжествовала. Даже Олег понимал, что «отводом» его адвокат только разозлил уставших судей и предсказать теперь результат будет сложно. Но для себя решил – что бы ни случилось это будет последней точкой, и бороться дальше за квартиру не будет, слишком напряженная трата и денег, и сил на то, что и так может скоро достаться ему по наследству.

С матерью он виделся теперь только в судебных коридорах. Лиза сменила замки, не пускала его на порог, мать не отвечала на звонки. Несколько раз он подходил к матери в коридоре суда перед заседаниями и пытался уговорить ее отозвать иск и жить мирно: «ну тебя же никто никуда не выгоняет!», но она только отворачивалась и молчала. В конце концов его это так разозлило, что в очередной раз он сжал кулаки и выпалил в сердцах:

– Ну и оставайся одна, старая колоша, если такая гордая.

С той поры больше с ней он не разговаривал, и при встрече отворачивался.

Первый суд, казалось, длился вечность, назначали экспертизу (насколько мать могла осознавать свои действия), вызывали свидетелей, судья долго что-то пыталась его, мать, Зинку и даже Лизу, и, Олег приготовился расстаться с квартирой, но, когда судья зачитала резолютивную часть, мать схватилась за сердце и долго не могла встать со стула – квартира оставалась у него, ведь она сама подписала бумаги, не глядя. То ли он так все прекрасно обставил, то ли его адвокат так умело повел процесс, но доказать, что мать заблуждалась по поводу природы сделки, ее юристы, увы (или к радости?), не смогли.

Из здания суда вышли уже поздним вечером. Адвокат, счастливый, нагнал его у последних ступенек крыльца.

– А, батенька, как вам? – снова хлопнул его по плечу. – А вы все переживали!

Когда Олег услышал эти замысловатые фигуры – «Решение ... суда оставить без изменений, апелляционную жалобу – без удовлетворения», то даже не испытал ни радости, ни уныния. Хотелось только спать. Они попрощались с адвокатом, и он остался стоять один у машины. Небо поблекло, редкие облака стайками тянулись над крышами. Олег стоял у машины и смотрел, как едва проступают первые звезды на востоке, и на ум приходили выцветающие обои в квартире матери и то, что давно уже пора сделать ремонт в ее, вернее уже его, квартире.

